

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

БЛАГА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Аристотель в «Никомаховой этике» разделил блага человеческой жизни на три группы: внешние, духовные и телесные¹. К классификации человеческих потребностей обращались многие философы. Они пытались развести то, что относится собственно к человеку, и то, что он обретает в погоне за ложными фетишами. С этой точки зрения уместно вспомнить, что Шопенгауэр, обращаясь к истолкованию человеческого бытия, сводил различия между людьми к трем основным категориям:

1. Что есть индивид — т.е. личность в самом широком смысле слова. Сюда относятся, следовательно, здоровье, сила, красота, темперамент, нравственный характер, ум и его развитие.
2. Что имеет индивид — т.е. всякого рода собственность и владение.
3. Чем индивид представляется. Под этим выражением, как известно, понимают, каков он в представлении других, т.е., собственно, как они его представляют...²

Согласно Шопенгауэру, существует расхождение между тем, каково реальное достоинство жизни человека и как он сам его оценивает. Индивид может располагать многим, выглядеть в глазах других абсолютным баловнем судьбы, но вместе с тем чувствовать себя несчастным. Статус не только имущественных, но и личностных достояний вовсе не гарантирует человеку благостного самоощущения.

И это верно не только по отношению к индивиду. Еще при жизни Шопенгауэра французский социолог А. Токвиль недоумевал: отчего при общем преуспевании и наглядных плодах прогресса массы людей впадают в меланхолию? Целые народы, как мы могли бы добавить сегодня к Шопенгауэру, счастливы отнюдь не соразмерно собственным приобретениям. Совсем недавно в печати была опубликована мировая статистика

о том, каков уровень процветания отдельных народов и как он соотносится с индексом их удовлетворенности жизнью. И еще раз подтвердилась мысль, с которой Шопенгауэр начинает свои размышления о счастье: реальное достояние и субъективное его восприятие — совсем не одно и то же.

По мнению Шопенгауэра, наше истинное «я» гораздо более обуславливает наше счастье, чем то, что мы имеем или что мы собой представляем. Высшее благо человека, полагает немецкий философ вслед за Гёте, это его личность, т.е. то, что дала ему природа, что воплощено в его телесности, его ум и способности, которые он развил. Из людей счастлив будет тот, в ком много внутренних сокровищ и кто для развлечения требует извне лишь немного или ничего.

Самым ценным и существенным, развивает эту мысль Шопенгауэр, должна быть для каждого его личность. Чем полнее это достигнуто, а, следовательно, — чем больше источников наслаждения откроет в себе человек, — тем счастливее будет он. Все остальное (в описании Э. Фромма, модус «иметь»), т.е. внешние источники счастья и наслаждений по своей природе крайне ненадежны, сомнительны, преходящи, подчинены случаю и могут поэтому иссякнуть даже при благоприятнейших условиях.

Человек с избытком духовных сил способен живо заинтересоваться чем-либо через посредство хотя бы одного разума, без всякого вмешательства воли; ему это даже необходимо. Такой интерес переносит его в область, совершенно чуждую страданий, в атмосферу «веселой, легкой жизни богов». Жизнь остальных протекает в отупении; их мечты и стремления всецело направлены на пошлый интерес личного благосостояния, т. е. на борьбу с разными невзгодами. Поэтому, как полагает Шопенгауэр, их одолевает невыносимая скука, как только эта цель отпадает, и они оказываются предоставленными самим себе. Лишь бешеное пламя страсти способно внести известное движение в эту застывающую массу.

¹ См.: Аристотель. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1984. С. 56.

² Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992. С. 262.

Характеризуя модус человеческого существования, связанный с обладанием, Шопенгауэр отмечает, что «нормальный», средний человек вынужден искать жизненных наслаждений вне себя — в имуществе, чине, жене и детях, друзьях, обществе и т.п., и на них воздвигать свое счастье. Поэтому счастье рушится, если он теряет их или в них обманывается. Его положение можно выразить формулой: центр его тяжести вне его. Поэтому его желания и капризы постоянно меняются. Если позволяют средства, то он покупает дачу, лошадей, устраивает празднества и поездки, вообще ведет широкую жизнь.

«Афоризмы житейской мудрости» А. Шопенгауэра как бы возвращают нам во многом утраченную веру в подлинность, суверенность, самостийность личности, сущность которой нередко извращается ложными устремлениями. Взяв в руки томики современных стихов или актуальной публицистики, мы без труда обнаружим переключку шопенгауэровских мыслей с тем, что волнует нас сегодня. Предоставим слово Шопенгауэру: «Глупца в роскошной мантии подавляет его жалкая пустота, тогда как высокий ум оживляет невзрачную обстановку...». Или: «Все наслаждения и роскошь, воспринятые сознанием глупца, окажутся жалкими по сравнению с сознанием Сервантеса, пишущего в тесной тюрьме «Дон-Кихота»...». Шопенгауэр отстаивает приоритет богатой и независимой человеческой субъективности.

Поэт М. Коржавин размышляет о том, что в обычном миге нашей жизни многие не способны обнаружить для себя ничего значительного, лично неповторимого. Для некоторых же, напротив, минута каждодневности полна духовного напряжения. «Не только «Выхожу один я на дорогу...», — пишет поэт, — где человек прямо говорит о своей душевной жизни, а даже сущие пустяки. Например, воспоминание о том, что там, откуда ты едешь, осталось прелестное женское существо, с которым ты кокетничал, и, возможно, если захочется, придешь через год и будешь кокетничать опять. Этого достаточно, чтобы написать «Подъезжая под Ижоры»... Разумеется, если ты такая личность, для которой в этом откроется нечто ценное»³.

Следуя логике стоицизма, Шопенгауэр призывает ограничить собственные потребности. В современной литературе проповедь умеренности, протесты против «революции растущих ожиданий» (Д. Белл), против безумного расточительства и бездуховного гедонизма отнюдь не редкость. Можно по-разному оценивать программы воздержания, пуританства, развернутые Шопенгауэром и подтверждаемые актуальными дискуссиями. Но речь идет вовсе не о предумышленном убожестве существования. Немецкий философ предлагает соотносить собственные ожидания с опытом суровой жизни. Здоровье, ум, мужество — разве не эти качества обуславливают счастье? Итак, по мнению Шопенгауэра, наша личность является первым и важнейшим условием счастья. Ценность личности абсолютна, тогда как значимость других благ — относительна.

Разумеется, не каждый согласится с Шопенгауэром, который полагает, что богатая человеческая субъективность — плод индивидуальных усилий, затворничества и одиночества. «Благо тому, кто рассчитывает только на себя и для кого «я» есть все». Отвергая это, можно привести известные аргументы о том, что только среди других, внутри многообразных общественных связей, личность обретает истинное богатство. Однако, вспоминая плоды «ложной корпоративности», с которой нам приходилось сталкиваться многие десятилетия, оценим по достоинству мысль Шопенгауэра о том, что, вступая в общество, нам, чтобы сравняться с другими, приходится отречься от 3/4 своего «я».

«Идеальное измерение бытия, — справедливо подмечает А.А. Чанышев, — согласно Шопенгауэру, непосредственно дано в моральном опыте: онтологическое единство открывается в уникальном сознании вины, когда воля обращается против самой себя, пробивает брешь в тотальном самолюбии, возвращаясь к себе, как изначальной свободе. Мораль, по Шопенгауэру, имеет статус особого, обладающего онтологическим значением познания. В конечном счёте мораль понимается Шопенгауэром как упрощающая бытие и силой своей пронизательности превосходящая всякую теорию мудрости»⁴.

³ Коржавин М. Гармония на холостом ходу // Литературная газета. 1989. 26 апреля.

⁴ Чанышев А.А. Этика Шопенгауэра. Критический анализ: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. ... канд. филос. наук. М., 1986. С. 11.